

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

ИСЛАМ

**РЕЛИГИЯ,
ОБЩЕСТВО,
ГОСУДАРСТВО**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984**

ББК 86.38
И 87

Ответственные редакторы
П. А. ГРЯЗНЕВИЧ, С. М. ПРОЗОРОВ

**Ислам. Религия, общество, государство. М.,
И 87** Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1984.

232 с.

В основу статей сборника легли доклады, прочитанные на ежегодных сессиях ленинградских арабистов начиная с 1976 г. Собранные вместе, они составили как бы единое исследование таких аспектов истории ислама, как возникновение мусульманской религии и Коран; религиозно-политическая идеология ислама и ее развитие; ислам и общество; ислам и государство.

И $\frac{0400000000-174}{013(02)-84}$ 15-84

ББК 86.38

ИСЛАМ

Религия, общество, государство

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Л. В. Негря. Младший редактор И. И. Исаева. Художник Г. И. Шиф. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор В. П. Стуковнина. Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ № 14889

Сдано в набор 20.03.84. Подписано к печати 29.08.84. Л-012891. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 14,5. Усл. кр.-отт. 14,75. Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 15 000 экз. Изд. № 5606. Зак. № 209. Цена 1 р.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

П. А. Грязневич

**ФОРМИРОВАНИЕ АРАБСКОЙ НАРОДНОСТИ
РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(к постановке проблемы)**

История формирования арабской народности раннего средневековья является ключевой проблемой этнической истории арабских народов и истории мусульманской цивилизации в целом. Она представляет также первостепенный интерес для понимания нынешней национальной ситуации в странах Арабского Востока. Несмотря на всю важность этой проблемы, она не была еще предметом специального исследования. Как научная проблема, она вообще возникла и существует пока лишь в нашей науке, да и то еще в самой общей форме¹. Западные востоковеды и этнологи, как известно, обычно не употребляют понятие «народность» как историко-стадиальный тип этнической общности людей², пользуясь вневременным понятием «народ арабов»³.

В специальной арабистической литературе, в общем много внимания уделившей сложению религии ислама и арабского государства, военно-политическим событиям и вопросам культуры, материалы об этногенетической истории родо-племенной Аравии, хотя время от времени и привлекались по разным поводам, фактически еще не систематизированы и не обобщены. Между тем наряду с новой религией — исламом, новым государством — Халифатом и так называемой арабской культурой в период VII—VIII вв. возникла также и новая этносоциальная общность — народность, получившая название и сама называвшая себя словом «арабы» — *ал-'араб*. Миграция этой общности за пределы Аравии и распространение привнесенной ею идеологической системы — ислама — заложили основу современной этнополитической структуры громадного региона мусульманского мира, и прежде всего Арабского Востока.

Формирование арабской народности в VII—VIII вв. разделило этногенетическую историю аравийских племен на две главные эпохи. В предшествующий период этносоциальное развитие протекало в Аравии в виде локальных, очаговых процессов. Так, на территории Южной Аравии в течение III—VI вв. шла консолидация родственных по происхождению и языку, культуре, уровню социально-экономического развития частей ее населения в единую этнополитическую общность под эгидой химйаритов, в VII—VIII вв. составившую основу йеменской арабской народности средневековья.

В центральных и северных районах Аравии возникали и существовали длительное время самостоятельные центры консолидации аравийских племен своего региона — раннегосударственные образования Кедар, Набатея, Киндитов, Гассанидов и Лакмидов. В конце VI в. на территории Аравии существовали устойчивые этногенетические союзы бедуинских племен, признававших общность своего происхождения. Эти союзы в VII в. сыграли большую роль в этнической консолидации арабов.

Однако до начала распространения ислама в 30-е годы VII в. не было ни одного движения — ни этнического, ни военного, ни религиозного, — которое бы ставило целью охватить всю территорию Аравии и всех живущих на ней людей. Деятельность Мухаммада, его сподвижников и преемников по распространению ислама и созданию общины мусульман впервые придала процессу этносоциального развития общеаравийский характер и общее направление. С 30-х годов VII в. по своей объективной цели это развитие пошло к созданию этносоциального единства всех населяющих Аравию.

С точки зрения этногенетической истории Аравии формирование арабской народности представляет собой заключительный этап трансформации этносоциальной структуры и системы этносоциальных связей и представлений, созданных родо-племенным обществом Аравии, в новый тип этнической общности. Эта трансформация была обусловлена постепенным становлением в Аравии имущественно-классовых отношений.

Рассмотрение этого процесса следует начинать, по-видимому, со времени выделения в рамках семитской этнолингвистической общности массива племен Аравии, говоривших на близких друг другу племенных диалектах. Этот массив можно определить как протоарабская этноплеменная общность, поскольку в конечном счете именно от него ведут свое происхождение бедуинские племена, составившие в середине VII в. ядро арабской народности. Исключительно важным событием было массовое одомашнивание верблюдов во второй половине II тысячелетия до н. э.⁴, сделавшее кочевые племена верблюдоводов преобладающими среди аравийских скотоводческих племен. Эти два процесса определили наиболее характерные особенности той этносоциальной общности на территории Ближнего Востока и Аравии, которую письменные памятники их соседей в VIII—V вв. до н. э. называли общим термином *ариби*, *арабу*, *'араб*, а позднее именовали и другими собирательными названиями — сарацины, скениты, таййиты, исмаильтяне и др.⁵

Наконец, последним по времени событием исторического значения, существенно повлиявшим на развитие праарабской этноплеменной общности, было широкое распространение в Аравии во II—III вв. н. э. верблюжьего седла с лукой⁶. Это нововведение повлекло за собой возникновение маневренных и быстроходных отрядов верблюжьей кавалерии, в корне изменившее роль и место бедуинских племен в истории Аравии и Передней Азии.

Именно в это время, на рубеже нашей эры, окончательно оформился хозяйственно-культурный и психологический тип аравийского бедуина, скотовода-кочевника, преимущественно верблюдовода, с одной стороны, с другой — вечного воина, самым строем жизни принужденного к храбрости и жестокости.

Возросшая мобильность бедуинских племен, способность перемещаться на большие расстояния способствовали дальнейшему усилению межплеменных контактов, контактов с соседними государствами на северной и южной границах Аравии, установлению торговых, военно-политических и тому подобных связей. Важная роль в расширении внутриаравийских связей принадлежит существовавшей в течение многих веков транзитной торговле по главным маршрутам «Дороги благовоний». Необходимость учета этих сдвигов в социально-хозяйственной жизни аравийских племен имеет исключительно важное значение при разработке этногенеза арабов и при анализе предпосылок процесса формирования арабской народности в VII—VIII вв.

К началу VII в. н. э. выявились многие признаки, которые указывали на значительный прогресс протоарабского этноплеменного массива в целом в своем социальном и духовном развитии. Так, общим мотивом доисламской бедуинской поэзии V—VI вв. проходит сетование на разрушение духовных — идеологических и морально-этических — ценностей родового общества, его традиционных воззрений и обычаев. Обычными становятся обличения имущественного стяжательства и уклонения от выполнения долга родовой взаимопомощи, упреки за замену кровной мести выкупом или за пренебрежение требованиями кодекса родовой доблести (*муруввы*) и т. п. Устой родového общества теряли свой абсолютный моральный авторитет.

Выше упоминались такие факты, как появление устойчивых крупных племенных объединений, подготовившее будущее разделение арабских племен на так называемые «северные» и «южные», формирование общего литературного языка, которым пользовались племенные поэты. Однако сознание общности в рамках праарабского массива еще в начале VII в. было не более чем смутным ощущением, не получившим отчетливой формулы⁷. Тем не менее элементы этого сознания могут быть выделены: это прежде всего языковая общность. В частности, поэты разделяли мир на говоривших «понятно» (*зу байан*) и непонятно, «бессвязно» (*'аджам*)⁸.

Широкое распространение в поэзии получило неопределенное общее самоназвание «люди» (*ан-нас*), под которым подразумевались прежде всего входящие в праарабский этнолингвистический и социально-культурный массив, как говорящие «понятно», имеющие сходные обычаи и хозяйственные навыки, общие этико-моральные и правовые представления. Этим словом бедуинские поэты обозначали, в частности, подобных себе людей, разделявших общие с ними понятия чести и бесчестья, комплекс доблестей родового человека — мужчины-воина (*мурува*), ис-

полнявших обязательства кровной мести, родовой взаимопомощи и т. п.

Наконец, хотя еще и не появилось общего названия, имени собственного для всей территории, на которой обитали аравийские племена праарабского массива, но уже был в ходу неопределенный общий термин для нее — «земля» (*ал-ард*), и поэты указывали границы этой «земли»: в одних случаях от Босры до Наджрана, в других — от Дамаска до Адена, от Красного моря до Персидского залива⁹. Складывается и нечто вроде межплеменного общеаравийского общественного мнения, к которому все чаще апеллирует поэт.

И тем не менее по-прежнему и кочевые, и оседлые обитатели Аравии осознавали себя и определяли по принадлежности к этногенетическим рядам, несоединимо отделенным один от другого. Разобщенность родо-племенного общества Аравии на автономные племена и племенные группы проявлялась в отсутствии общеаравийского этнического самосознания и его внешнего символа — общего для всех аравийских племен самоназвания. Племенной плюрализм обусловил и тот факт, что этническое сознание не выработало представления об общем предке всех племен Аравии¹⁰. Поэты конца VI и начала VII в. по-прежнему прославляли свои племена и племенные союзы и поносили чужие; многие поэты восхваляли на всю Аравию героев-миротворцев, положивших конец той или другой межплеменной войне, но ни один из них не выступал с призывом к межплеменной консолидации, к созданию какой-то новой общности. Эта тема отсутствует в доисламской поэзии¹¹.

Своеобразие развития этнического процесса в Аравии в первой половине VII в., а тем самым и сложения арабской этносоциальной общности определено тем, что непосредственный толчок этому процессу дан пророческой деятельностью Мухаммада. Обращая людей в свою веру, Мухаммад создавал сообщества людей, которых объединяли не узы кровного родства, а духовная, религиозная общность, ставившая человека над родо-племенными отношениями. Представления Мухаммада о новом типе социальных связей и человеческого сообщества нашли выражение в понятии *умма* — сообществе единоверцев, объединенных подчинением себя воле и руководству единого Бога. Языческой кровнородственной общности Мухаммад противопоставил идеологическую: «Верующие ведь — братья!» (Коран XLIX, 10—630—632 гг.); «Ты не найдешь людей, которые веруют в Аллаха и в последний день, чтобы они любили тех, кто противится Аллаху и Его посланнику, хотя бы они были их отцами, или сыновьями, или их братьями, или их родом» (LVIII, 22 — 627—629 гг.); «О вы, которые уверовали! Не берите своих отцов и братьев друзьями, если они полюбили неверие больше веры» (IX, 23 — октябрь 630—февраль 631 г.). Содержание Корана указывает на отсутствие у Мухаммада представления о надплеменной этнической общности. В одной из самых последних про-

изнесенных Мухаммадом сур говорится: «О люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас народами и племенами (*шу'убан ва каба'илан*), чтобы вы знали друг друга» (XLIX, 13). Его целью было заменить многобожие почитанием единого Бога. В Коране осуждается не этноплеменная разобщенность, а многобожие. основополагающим фактором формирования нового общественного сознания стал культ Аллаха. Термины *умма* (позднее — *уммат ал-ислам*) — «сообщество», «община (верующих в Аллаха)», *ал-му'минун* — «верующие», «уверовавшие» и *ал-муслимун* — «предавшие себя (воле) Аллаха» стали первыми самоназваниями новой общности, отразив ее религиозный характер¹². Этническое самосознание было на этом этапе отеснено религиозным.

Об этапах эволюции этой новой общности, ее состава и характера можно судить по изменениям самоназваний ее членов и смене ее непосредственных противников. Первый этап эволюции проходит внутри Аравии. В Мекке, а затем в Медине главным противником Мухаммада и его приверженцев, именующих себя верующими — *ал-му'минун*, являются язычники, не признающие единственности бога, Аллаха, — *ал-мушрикун*. Это — мекканцы и их союзники. К ним вскоре присоединяются иудеи и христиане, которым Мухаммад и его единоверцы противопоставляют себя как *ал-муслимун* — «предавшие себя (воле) Аллаха». В последних сурах Корана появляется противопоставление верующих, которые выступают как представители оседлой культуры, бедуинам-кочевникам — *ал-а'раб*, живущим вокруг Мекки и Медины. *Умма*, община верующих и их союзников, противопоставлена остальным людям — *ан-нас* (*дуна-н-нас*)¹³.

Отпадение аравийских племен от ислама после смерти Мухаммада и борьба с ними способствовали дальнейшей консолидации общины верующих, ускорили ее превращение в военно-политическую организацию. В исторической традиции оппозиция этого периода описана через противопоставление *ал-муслимун*, *уммат ал-ислам* — *каба'ил* или *а'раб* (или параллельная собирательная форма — *ал-'араб*)¹⁴. Как можно видеть, противопоставление носит социально-идеологический характер. И хотя слово *ал-'араб* тогда уже фигурировало, оно еще не имело этнолингвистического значения. Самоутверждение новой общности происходило пока в идентичной ей этнической среде. На протяжении всего этого периода ей противостоят не этнические, а идеологические противники. К концу этого периода, по мере утверждения ислама во всех районах Аравии и исчезновения язычества, термины *ал-му'минун* и *ал-муслимун* становятся самоназваниями всех ее обитателей, как кочевых, так и оседлых. Совпадение политических границ мусульманской общины и этнических границ прежнего праарабского этнолингвистического массива привело к сближению, а позднее к слиянию религиозного и этнического самосознания и явилось шагом к превращению религиозной общины мусульман в этносоциальную общ-

ность. По существу, в Аравии сложились основные предпосылки для возникновения единого аравийского этноса.

Решающим в этом развитии стал второй этап эволюции новой общности, когда в ходе завоевательного движения отряды мусульман вступили на территорию византийской Сирии и Палестины и сасанидского Ирака и Ирана, а затем на территорию Египта, Северной Африки и готской Испании. Впервые огромная и разнородная масса племен, пришедших из разных областей Аравии, Палестины и Сирии и принадлежавших к разным генеалогическим группам, оказалась перед лицом врага, одинаково чуждого им всем по происхождению, по вере, по языку и социокультурным признакам. Это оказало решающее влияние на возникновение сознания надплеменной этнорелигиозной общности. Источники показывают, что наряду с религией главным признаком различия в этот период стал язык. Роль языка при этом осознавалась в двух аспектах: с одной стороны, понятность языка воспринималась как указание на этническую общность, во-вторых, возведение языка Корана в ранг «священного языка», языка божественного откровения, принципиально меняло его значение как различительного признака — различие по языку теперь становилось равноценным и различию по вере. Осознание общности языка — прежде всего имелся в виду язык Корана — стало фактом и явилось формой утверждения отдельности завоевателей от местного населения.

Перед византийцами (греками и сирийцами) и перед персами предстали объединенные идеологически и организационно их прежние соседи — союзники и враги, известные им как сарацины (среди сирийского и греческого населения), таййиты (сирийцам и персам) и по старой, главным образом книжной, традиции — как арабы (иудео-христианам)¹⁵. Последнее название около середины VII в. получает наибольшее распространение среди мусульман — завоевателей Сирии и Палестины, по-видимому, под влиянием первых толкователей Корана из иудео-христианской среды и употребления в Коране слова *'араби* в применении к языку откровения. Поголовное обращение племен в ислам делало любое их общее название синонимом названия «мусульмане». То же произошло и со словом *'араб*.

До начала массового обращения в ислам покоренных народов слово *'араб* было синонимом слова «мусульмане». Идентификация религиозного и этнического самосознания была закреплена теперь и в самоназвании. По мере обращения в ислам местного населения слово *'араб* все больше получает преимущественно этнолингвистическое и социально-политическое значение, обозначая прежде всего завоевателей как господствующую этническую группу в Халифате, а в конце VIII — начале IX в. окончательно становится этническим самоназванием лиц, для которых язык Корана был родным языком и которые по происхождению принадлежали к одному из аравийских племен. Такое понимание значения этнонима *ал-'араб* было зафиксиро-

вано Яакутом в начале XIII в.¹⁶, но восходило оно к более ранним эпохам. Между тем слова *ал-му'минун* и *ал-муслимун*, отделившись от этнонима *ал-'араб*, становятся самоназваниями членов новой мусульманской общности, ставшей носителем мусульманской цивилизации в целом.

С созданием Халифата и аппарата управления в развитии этнического процесса появился новый фактор: превращение мусульман-завоевателей в господствующую прослойку способствовало осознанию ими и общности политических и экономических интересов, и обособленности от местного населения. В течение VII в. происходит отождествление общины мусульман (*уммат ал-ислам*) с местом обитания (*дар ал-ислам*) и Халифатом, а тем самым превращение духовного сообщества в территориальное государство¹⁷, безгранично раздвинувшее пределы этносоциальной общности.

Важным моментом в развитии этнического сознания явилось составление в 20/641 г. реестров-диванов мусульманских ополчений, фиксировавших людей (завоевателей) по их принадлежности к племени¹⁸. Отнесение себя к дивану способствовало утверждению нового этнического самосознания ядра мусульманской общины. Теперь оппозицией стало не просто верующий или не верующий в Аллаха, а также числящийся в диване или нет, т. е. принадлежащий к полноправному гражданскому обществу Халифата или нет. Отмеченные явления привели в середине второй половины VII в. к выделению в общей растущей массе мусульманского населения Халифата автономной этнической общности, обладавшей всеми признаками особого этноса, вскоре и принявшего самоназвание *ал-'араб* — «арабы». Праарабская этноплеменная общность трансформировалась в арабскую этносоциальную общность. В середине и во второй половине VII в. произошло оформление двух этнополитических группировок¹⁹, через которое прошел процесс создания единой общности. Такой факт, как появление в конце VIII в. историко-генеалогического свода «Джамхарат ан-насаб» Хишама ал-Калби, представившего аравийские племена в виде единого генеалогического древа арабов, датирует оформление арабского этнического самосознания. Представление об общности происхождения арабских племен, несмотря на сохранявшийся антагонизм аднанитов и кахтанитов, отныне стало элементом общественного сознания арабов.

Дальнейшее развитие арабской этносоциальной общности шло в направлении все большего роста значения собственно этнического аспекта как способа утверждения своей отдельности в ряду других народов в рамках единой мусульманской общности. Решающее значение в этом процессе имели аббасидское движение первой половины VIII в. и начавшееся около середины VIII в. массовое обращение в ислам покоренного, в частности иранского, населения. В состав господствующего слоя входит большее число лиц из местного населения. Политическое

оппозиционное движение против арабов-завоевателей дополняется идеологическим: оно принимает, в частности, форму *шу'убии*, в которой получило выражение этносоциальное самосознание формирующейся иранской народности, осознавшей и отстаивавшей свою отдельность. Это ликвидировало наметившиеся при Омейядах арабское этнолингвистическое ограничение состава гражданского общества Халифата и отождествление исповедующих религию ислама с арабским этносом. Происходит окончательное разделение гражданского общества и арабской этносоциальной общности, которая теперь переживает самостоятельное развитие в рамках мусульманского мира. Это развитие с самого начала оказалось неоднозначным прежде всего в самой Аравии. Решающим фактором явилось исторически существовавшее хозяйственное и социально-культурное различие между оседлым и кочевым населением Аравийского полуострова (*ахл ал-мадар* и *ахл ал-вабар*)²⁰, жителями земледельческих оазисов и немногочисленных торгово-ремесленных центров и скотоводов степей и полупустынь. Доисламская бедуинская поэзия водухлевлялась противопоставлением «сына пустыни» «жирному» земледельцу, ленивому обитателю поселения²¹.

Коран представляет мир оседлого населения, его социальную психологию, этико-моральные оценки, его идеалы, антипатии и т. п. Кочевая периферия появляется в Коране как иная социально-культурная среда, не разделяющая многих ценностей и идеалов оседлых жителей или равнодушная к ним. Мухаммад с явным недоверием и раздражением говорит о бедуинах-кочевниках, именуя их термином *ал-а'раб*: «Бедуины — еще сильнее в неверии и лицемерии и способнее не знать границ того, что низвел Аллах Своему посланнику»²². Позднее это размежевание внутри аравийского родо-племенного общества было терминологически закреплено словами *'араб* и *а'раб*²³. Они обозначали соответственно оседлое и кочевое население внутри арабо-мусульманской общности, которая теперь именовалась тем же словом *ал-'араб*, что и оседлое городское арабское население. Однако ее никогда не называли термином *ал-а'раб*.

Тем не менее всегда были и остались жизненные сферы, в которых проявлялась реально существовавшая общность глубинных основ социального сознания и психологии оседлых и кочевых племен Аравии. Сознание общности в доисламский период создавали понятность языка, общезначимость многих памятников словесности (особенно поэзии), однотипность социальной организации, наличие сходных обрядов и обычаев, равно почитаемых культовых центров и отдельных божеств (в частности, ал'Узза, ал'Лат, Манат и др.) и т. д. Важную роль в поддержании этого сознания играли тогда участие в транзитной торговле, существование общеравийских базаров, наличие союзно-договорных отношений разного уровня и масштаба между кочевыми и оседлыми племенами, участие в межплеменных войнах и стычках. С приходом ислама и созданием Халифата

многие из этих факторов общности оседлых и кочевых жителей Аравии исчезли, но на их место пришли такие действенные и постоянные факторы, как общая религия, общий и единственный культовый центр — Мекка, единое военно-административное управление.

Вместе с тем в процессе завоеваний начал расти и приобретать необратимый характер разрыв между племенами, осевшими в городах и оседлых поселениях завоеванных стран, и племенами, оставшимися в степях и полупустынях Ближнего Востока и Аравии и сохранившими традиционный образ жизни и тип хозяйства. Уже во второй половине VII в. собственно бедуинское воспринимается при дворе Омейядов и в других центрах Халифата как все еще «родной», но уже несколько курьезный примитив, хотя каноны доисламской бедуинской поэзии еще почти столетие безраздельно господствовали в мусульманской поэзии. Но в конце VIII в. они все чаще становятся объектом откровенных насмешек как безнадежный анахронизм²⁴.

Став горожанами, вчерашние бедуины и особенно их потомки включились в многостороннюю жизнь развитой социально-культурной среды, усвоив и развив дальше достижения богатейшего культурного наследия завоеванных народов. Между тем духовная жизнь и социальное сознание их аравийских современников питались по-прежнему главным образом племенным преданием, «староарабскими» представлениями и обычаями. В первые века ислама мусульманские логографы, собиратели древностей и грамматики определенно смотрели на бедуинов как на консервативных носителей норм и традиций доисламского прошлого²⁵. Растущее различие в социально-культурном развитии оказало глубокое влияние на характер и направление этнического процесса внутри арабского этноса.

На территории Аравийского полуострова не сложилось единой аравийской народности. Природно-географические условия определяли и после победы ислама сохранение среди кочевников-скотоводов родо-племенной организации и расчленение их на племенные группы и хозяйственно-автономные единицы (*хайй*, *ашира*). Их этническое самосознание по-прежнему идентифицировалось прежде всего с конкретным племенем или племенным союзом.

Не сложилось здесь также единого экономического и политического центра. Устойчивым оказалось разделение Аравии на пять (или шесть) историко-географических регионов. Из них лишь в Йемене возник процесс этнополитической консолидации и привел к созданию отдельной народности.

Процесс феодализации стимулировал обособление исторически сложившихся регионов Халифата и возникновение в каждом из них самостоятельной государственности, а затем и локальной этносоциальной общности. В этих регионах-провинциях начинается процесс формирования местных народностей эпохи феодализма. Одни народности складывались как национальные му-

сульманские (например, в Иране, Средней Азии), другие — с активным участием арабов, которые, однако, практически всюду были ассимилированы численно преобладавшим аборигенным населением и не оказали существенного воздействия на характеристики его физического типа. Проведенные антропологические обследования, хотя еще далеко не полные, показывают, что в этногенезе арабских мусульманских народностей в завоеванных странах решающую роль сыграли местные субстратные элементы²⁶.

В большинстве стран Ближнего Востока аборигенное население превосходило завоевателей-арабов также и по уровню хозяйственно-культурного развития. Тем не менее арабы-мусульмане передали аборигенам свой язык, религиозную идеологию, многие элементы бытовой культуры. Культурно-идеологические факторы оказали решающее воздействие на формирование в этих странах (в частности, в Йемене, Египте, Сирии, Ираке, Северной Африке) нового, арабского (или арабо-мусульманского), этнокультурного самосознания, вытеснившего его прежние формы и повлекшего за собой распространение общего самоназвания нового этноса — *ал-'араб*, «арабы», — возникшего в результате арабского завоевательного движения и вызванного им этногенетического смещения. Особенно интенсивно шел этот процесс во второй половине VII — первой половине VIII в., когда арабы-завоеватели составляли правящую этническую группу и одновременно выступали в качестве исконных носителей победившей религии. С распадом Халифата в X в. процесс этот, как было сказано, приобрел локальный характер.

Следует в то же время отметить, что для средневекового периода в этих странах характерно преобладание религиозного самосознания над этническим, и общее самоназвание «мусульманин» почти повсеместно было более употребительным, чем «араб». Локальными обозначениями и самоназваниями отдельных народностей обычно служили словосочетания типа *ахл ал-Йаман* («жители Йемена», «йеменцы»), *ахл Миср*, *ахл аш-Шам* и т. п., а отдельного человека именовали чаще по месту жительства: ад-Димашки, ал-Куфи, ал-Исфахани, ал-Макки, ал-Куртуби, реже — по стране: ал-Мисри, ал-Андалуси, ал-Йамани и т. п.

Таким образом, развитие этнических процессов на Аравийском полуострове характеризуют следующие моменты. В течение IV—VII вв. активно шел процесс сложения новой этносоциальной общности — арабского этноса. Этот процесс, однако, не завершился созданием в Аравии единой аравийской народности. Основные и решающие этапы этносоциального развития аравийских племен, которые стали ядром нового государства и члены которых явились его первыми полноправными гражданами, проходили начиная с 40-х годов VII в. преимущественно вне Аравии и в условиях, когда сами племена, переживавшие это развитие, оказались среди завоеванных ими чужих народов, пре-

восходящих их числом и уровнем социально-экономического и культурного развития. Этот процесс проходил в рамках военно-политического объединения, Арабского халифата, включавшего исторически сложившиеся устойчивые этнические общности, обладавшие своим, местным историческим и этническим самосознанием, древними культурно-бытовыми традициями. В ходе завоевательного движения части арабского этноса оказались географически разделенными. В конечном счете развитие арабской народности привело в период сложения феодальных государств в IX—X вв. к тому, что на основе локальных этнокультурных общностей начали формироваться с участием расселившихся среди них арабов-завоевателей местные средневековые арабские народности (йеменская, египетская, сирийская, иракская, андалусско-испанская), сохранившие в большинстве случаев автохтонный антропологический тип, но принявшие представление о своей принадлежности к арабскому этносу. В свете сказанного представляется необходимым пересмотреть распространенное в нашей литературе положение, сформулированное в свое время В. Б. Луцким в его статье «Арабы» в СИЭ: «В 4—6 вв. н. э. на территории Аравии происходил процесс складывания единой арабской народности, завершившийся к 630-м гг.»²⁷. В действительности, как было показано, в IV—VI вв. на территории Внутренней Аравии создавались лишь основные предпосылки для возникновения единого арабского этноса. Что же касается «процесса складывания единой арабской народности», о котором писал В. Б. Луцкий, то он не завершился здесь ни к 630-м годам, ни позже. В силу отмеченных выше причин он вообще не получился на территории Аравии своей реализации, переместился за ее географические пределы и принял совершенно иное направление.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: В. Б. Луцкий. Арабы.—СИЭ. Т. 1, с. 686—687; А. И. Першиц. Племя, народность и нация в Саудовской Аравии.—СЭ. 1961, № 5; Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 41; М. С. Лазарев. К национальной ситуации на современном Востоке (методологический подход).—Национальные проблемы современного Востока. М., 1977, с. 40 и сл.

² См.: В. И. Козлов. Народность.—СИЭ. Т. 9, с. 967; Ю. В. Бромлей. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981, с. 73—74, 257—282.

³ См.: Ph. Hitty. History of the Arabs. 7th Ed. L., 1960, с. 4, 30, 32, 43, примеч. 3; В. Lewis. The Arabs in History. L., 1962, с. 9—17.

⁴ См.: EI². Vol. 1, с. 872—892.

⁵ См. наст. изд., с. 122—130.

⁶ W. Dostal. The Evolution of Bedouin Life.—L'Antica società beduina. Roma, 1959, с. 20; H. von Wissmann. Bauer, Nomade und Stadt im islamischen Orient. Stuttgart, 1962 («Die Welt des Islam und die Gegenwart», 32); W. Dostal. Die Beduinen in Südarabien. Eine ethnologische Studie zur Entwicklung Kamelhirtenkultur in Arabien. Horn—Wien, 1967.

⁷ W. M. Watt. Muhammad at Medina. Ox., 1962, с. 143; G. E. von Grū-

небаум. The Nature of Arab Unity before Islam.—Arb. 10, 1963, с. 5—6; см. также наст. изд., с. 128.

⁸ П. А. Грязневич. Развитие исторического сознания арабов (VI—VIII вв.).—Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982, с. 96—97, 100—102.

⁹ Там же, с. 91—96.

¹⁰ Там же, с. 83—91.

¹¹ H. A. R. Gibb. Arabic Literature. 2nd Ed. Oх., 1963, с. 30—31.

¹² Грязневич. Развитие исторического сознания арабов..., с. 102—103.

¹³ Ибн Хишам. Ас-Сира ан-набавийа. Т. 1—2. Каир, 1955, т. 1, с. 501; Watt. Muhammad at Medina, с. 201.

¹⁴ См.: ал-Вакиди. Китаб ал-магази. Калькутта, 1855—1856, с. 1121; Табарни II, с. 1848.

¹⁵ См. наст. изд., с. 125—126, 129.

¹⁶ Иакут, т. 3, с. 634; Лисан ал-'араб ли-л-имам... Абу-л-Фадл Джамаал ад-дин Мухаммад... ал-Хазраджи. Т. 1—20. Булак, 1300—1307/[1882—1890], т. 2, с. 77.

¹⁷ F. Gabrieli. Tribu arabe et Etat musulman dans la poésie de l'époque Omayyade.—Colloque sur la Sociologie Musulmane 11—14 Sept. 1961. Bruxelles, 1961 («Correspondance d'Orient», № 5), с. 1.

¹⁸ W. Caskel. Gamharat an-nasab. Das genealogische Werk des Hišam ibn Muhammad al-Kalbi. Bd 1. Leiden, 1966, с. 27—31.

¹⁹ Там же, с. 31—35.

²⁰ См., например: I. Goldziher. Muhammedanische Studien. Bd 1—2. Halle, 1888—1890, Bd 1, с. 1—34; J. W. Hirschberg. Jüdische und christliche Lehren im vor- und frühislamischen Arabien. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Islams. Kraków, 1939, с. 11—13; G. Jacob. Altarabisches Beduinenleben. 2-te Ausg. В., 1897, с. 31.

²¹ Г. Э. фон Грюнебаум. Природа арабского единства в доисламский период.—Г. Э. фон Грюнебаум. Основные черты арабо-мусульманской культуры. Статьи разных лет. М., 1981, с. 22—24.

²² Коран IX, 98/97; см. также IX, 99/98—106/105, 121/120; XVI, 82/80; XXII, 25; XLVIII, 11—12, 16.

²³ См. обзор материалов: Иахйа ал-Джиббурни. Ал-Джахилийа. Багдад, 1968, с. 24—37.

²⁴ См., например: Gabrieli. Tribu arabe..., с. 4—5, 11—13.

²⁵ Там же, с. 11.

²⁶ Этнологический аспект проблемы рассмотрен в работе: Бромлей. Современные проблемы этнографии..., с. 269—270.

²⁷ ЛуцкиЙ. Арабы, с. 686.